

С.Н.Бредихин

Северо-Кавказский федеральный университет,

г. Ставрополь, Россия

ФИЛОСОФСКИЙ ДИСКУРС: ПРОБЛЕМА СИМВОЛА

Целью данного исследования является определение символического характера метаязыка философии, а также анализ феномена символа в процессе порождения многомерного смысла в текстах философского дискурса. Исследование строится на принципах ноэматической и феноменологической рефлексии как основ декодирования смысла.

Ключевые слова: символ, философский дискурс, самоссылающаяся система, вербализация, ноэматическая и феноменологическая рефлексия.

The aim of this study is to define the symbolic character of the philosophical metalanguage, and to analyze the phenomenon of symbol in the process of sense derivation in the texts of philosophical discourse. The analysis is based on the principles of noematic and phenomenological reflection as a basis for sense decoding.

Key words: symbol, philosophical discourse, self-defining system, language game, verbalization, noematic and phenomenological reflection.

В условиях меняющейся лингвистической парадигмы определение параметров метаязыка философствования как средства вербализации ментальных конструкций является чрезвычайно актуальным, философия не есть наука как таковая и не есть социо-культурное явление, она следует букве того дискурса, в ситуации порождения или описания которого она находится.

Гуманитарный подход к описанию философию как историю некоторых учений, впрочем, как и естественно научный подход для действительного герменевтического понимания неприемлем, хотя общее допущение о научной природе знания репрезентируемого в философском дискурсе неоспоримо. Постулирование некоей промежуточной позиции (отграничивающей философию как от сциентистского так и от внутренне гуманитарного подхода) является главной проблемой. Этот подход можно было бы назвать мета-теоретическим или трансцендентальным, для философского дискурса релевантно познание объективной реальности, находясь не внутри и не вне его, а на границе для восприятия целостной картины мира. Именно поэтому необходимо рассматривать философское знание с точки метатеоретического подхода.

Если философия есть лишь мысль, то релевантно высказывание Л.Витгенштейна об ограниченности мысли вербализованной, но и возможность существования философствования в неязыковой форме не представляется ни познаваемой, ни осознаваемой. Если же ее анализировать только с позиций лингвистических, как языковой феномен, то некоторые смыслы, рождаемые ей, остаются нераскрытыми.

«Специфика философии проявляется в особенностях ее языка, который отличается как от «языковой» практики «образного» мышления Мифа, так и от «понятийного» (знаково-денотативного) языка науки (теории). Собственно в этом нет ничего удивитель-

ного, если предположить отличие философии как от Мифа, так и от Науки. В историческом плане феномен философии занимает «пограничное» положение между феноменами исчезающего Мифа и возникающей Науки» [4, с. 44].

Для философских текстов характерно использование различной символики, воспринимаемой реципиентом не разумом, но с помощью интуитивной нозматической рефлексии, или же при более детальном прочтении и реконструкции системы символов – рефлексии феноменологической. Рассматривая понятие «символ» в философском контексте, можно говорить об обязательности наличия символов, так как они представляют своеобразный каркас из фоновых знаний, на основе которого строится понимание и восприятие философского текста. В отличие от конкретных предметов физической реальности, символы не «существуют» как объекты физической реальности, но имеют метафизический статус своего существования.

Гипотеза о превалировании символа и метафоры в языке философствования должна пролить свет на специфику подобного рода дискурса как на рассуждение о каком-либо феномене в русле его бытийности. Философия вынуждена оперировать некими знаками-символами, которые обладают минимумом денотативности и максимумом смысловости. Это по сути дела «игра в бисер», методика языковой игры для объяснения смыслопорождения и смыслодекодирования символов в некоей системе самоссылающихся друг на друга терминов и категоризованных понятий. Смысл каждого из элементов системы подобного рода существует лишь при наличии и строгой определенности смысла других элементов данной системы. Это подобно играм о прояснении сущности того или иного феномена через его правила и рассмотрение другого термина: как «сознание» детерминруется при допущении существования «материи», и уточняется при сопоставлении с другими категориальными понятиями философской системы.

Но в этом случае (самоссылающихся элементов системы) мы не усматриваем других сущностных характеристик этого вида дискурса и сводим все к анализу языковых фактов и возможностям вербализации и концептуализации неких ментальных образований. Но рассмотрев эту систему более детально, можно предположить, что символичный язык философствования есть репрезентация более глубинной характеристики ее как особого рода деятельности, а именно, репрезентации самого предмета философствования. Особые метафизические единства составляют суть философского дискурса. Эти категориальные ментальные единства проясняются в тезисе С.Л. Катречко о целостности «мира». «Одной из них является «мир», и в этом смысле нередко говорят, что философия являет собой мировоззрение (воззрение на мир). Конечно, мир как некоторая совокупность вещей может изучаться и «физикой» (науками в широком смысле), но в этом случае из поля зрения исследователя выпадает то, что собственно и делает мир «миром» (целостность мира), а не просто совокупностью вещей. В отличие от обычного научного изучения философия подходит к объектам своей работы именно как к «целостностям», которые познающий субъект не может изучать как обычные объекты, поскольку объемлющий человека характер этих «целостностей» в принципе исключает стандартный научный подход к их познанию» [4, с. 48].

Из вышесказанного следует, что язык философствования – это особый язык, оперирующий символами, по сути некими именами и понятиями для вербализации метафизических объектов – они представляют собой абстракции третьего уровня, некие идеальные объекты, не имеющие определенного денотативного значения, не определяющиеся только феноменом объективной реальности. «Эти конструкты, в отличие от конкретных предметов физической реальности, не «существуют» как объекты физической реальности, имеют метафизический статус своего существования. В общем, такие языковые конструкции (знаки) могут быть названы «языковыми фикциями». Если задать классификацию знаков по степени «денотативности», то «символы», репрезентирующие «метафизические» объекты, занимают самое крайнее положение, поскольку они вообще не имеют «физического» (чувственно данного) референта. Однако в отличие от функциональных «языковых фикций», или «пустых» знаков (типа «круглый квадрат») они имеют «максимум» смысла» [3, с. 157].

В силу общности символов в конкретной лингвокультурной общности или же хотя бы в силу общности категориальных признаков данной символической системы у реципиента есть широкие возможности для декодирования смысла текстов, построенных по этим принципам, выраженного средствами метаязыка любого уровня. Символьный язык философии не является обычным языком трехуровневой структуры: синтаксического, семантического и денотативного, а представляет двухплоскостную семантику, избегая денотации. Именно в связи с этим фактом невозможна референция смыслового содержания к объективной реальности; границы данного символического языка не определяются границами нашего мира, они расширяют его до семантики всех возможных миров, устраняя противоречие «границы моего мышления есть границы моего языка».

Данный символический язык гораздо шире любого другого метаязыка, такой как метаязык формальной логики или математики, которые в свою очередь выступают метаязыками к теоретизированным конструктам естественных и гуманитарных наук, или же естественным языкам (второго уровня абстракции). Философствование не будет возможным ни на одном из вышеперечисленных языков, наличие метасимвольности предопределяет нозматику, а значит и горизонт мышления. Именно процессы категоризации неких категориальных признаков, их структурирования в особом нозматическом поле предполагает единство и целостность философствования, творимость и новум в интуитивном и интенциональном рассуждении. Именно работа с категоризованными понятиями ментальных объектов проясняет возможность описать философствование как иерархическую структуру лингвокультурно-обусловленных ценностей (символов культуры), образующих когнитивный и концептуальный костяк конкретного направления философской мысли. В данном рассмотрении вся история философии является системой развивающихся и сменяющих друг друга символических систем с тремя наиболее общими метасистемами: античной, классической и современной или пост современной. Это членение на метасистемы символов происходит на основе смен парадигм в рассмотрении определенных объектов философского знания: Космос вне Хаоса, объект – субъект в мире *cogito* (Я – Мир – Бог), целостность *cogito* и расщепление идей разума в метасмысловом освещении. Появляются

множество возможных мыслимых миров, определяющих существование того или иного смысла, его репрезентацию в конкретной модели и построение системы тех или иных иерархически структурированных единств.

Кроме понятия «символ» в философском смысле, в данном типе текстов можно говорить о других символах как о подвиде метафоры. В данном случае метафора немного иная, чем в художественных произведениях. В философии метафорические символы обогащены глубоким смыслом и символизируют сдвиг значения. Так же как и в чисто философских символах, значение символов-метафор может оставаться скрытым при интерпретации и декодировании на уровне нозматической рефлексии и раскрывается лишь в фиксации рефлексии феноменологической, только с помощью вертикального контекста представляется возможным правильно воспринять и интерпретировать значение символов.

Итак, символы в философских текстах можно разделить на два вида – символы в чисто философском смысле и символы как вид метафоры (оба вида репрезентируют символизм в языке философии, но не на обыденном уровне, а в понимании концептуального каркаса конкретной лингвокультуры). Символы в чисто философском смысле можно называть лексически «пустыми», так как буквальные значения слов, их составляющих, не имеют смысла. Хотя сам символ наделен глубоким смыслом, и его понимание зависит от индивидуальности реципиента. При этом кроме буквальной интерпретации данные символы иначе переданы и декодированы быть не могут, а потому требуют погружения и следования путем продуцента данного вербализованного выражения. Символы же, как вид метафоры, встречаются так же часто, как и предыдущий вид символов, при их декодировании и интерпретации требуется учет константы фоновых знаний реципиента.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бредихин С.Н.* К вопросу о феномене «языковой игры» философов и писателей (введение в теорию «Языковых игр» Л. Витгенштейна и практические исследования на материале философских текстов М. Хайдеггера). Ставрополь: Издательство СевКавГТУ, 2005. 246 с.
2. *Гильберт Д.* Основания геометрии. М.-Л.: Гостехиздат, 1948. 491 с.
3. *Катречко С.Л.* Философия как «языковая игра» // Материалы XI Международной конференции «Логика, методология, философия науки». М., Обнинск, 1995. Т. 5.
4. *Кравец А. С.* Структура смысла: от слова к предложению. // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1. Гуманитарные науки. Вып. 1. Воронеж, 2001.
5. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. 416 с.